

Текст · 21 февраля 2023, 11:22

Никита Сологуб,

«Никто безопасности вам здесь не гарантирует». Что грозит 19-летнему анархисту, задержанному в Казахстане по запросу российских силовиков

Вечером 9 февраля 2022 года 19-летний россиянин Денис Козак сообщил в своем телеграм-канале *REVANCHE*, что полиция Казахстана задержала его по российскому запросу об экстрадиции. «Не бойтесь бороться. Мы победим. Мы выстроим новый мир, в котором никому не придется сидеть и умирать. Единственное, что вы можете сделать — снести режим. И тогда мы будем свободны. Все. И я в том числе. Главное — верить! Всем пока, спасибо за помощь. Вы — лучшие!» — успел передать Козак подписчикам.

За полчаса до этого сосед Козака по съемной квартире в Алматы вышел покурить на балкон в подъезде и столкнулся на лестничной клетке с полицейскими. «Они ждали именно на этаже, когда кто-нибудь выйдет, — рассказывает сожитель Козака Артем Уварцев^[1]. — Сначала Денису сказали, что он нарушает сроки пребывания в Казахстане, а потом — что находится в розыске из Ростовской области по такой-то статье УК России: "Розыск международный, поэтому пройдемте с нами". Позволили ему собрать вещи и забрали в отделение, без каких-либо грубостей».

По словам Уварцева, задержание для соседа стало неожиданностью: «Обычный день был, забрали среди бела дня. Никто и подумать не мог, что такое могло бы произойти».

После 72 часов в ИВС Алмалинский районный суд Алматы удовлетворил ходатайство прокурора и поместил Козака под стражу на 40 суток «как лицо, находящееся^[2] в международном розыске за совершение преступления, предусмотренного по части 2 статьи 205.2 УК РФ» — оправдание терроризма в интернете. Его, по мнению российских следователей, Козак совершил 21 июня 2021 года в Мокром Гашуне, поселке в Ростовской области с населением меньше тысячи человек, где юноша жил вместе с родителями.

Уголовное дело и побег из России

По данным^[3] следствия, в тот день Козак зашел со старенького телефона на свою страницу «ВКонтакте». Там он был зарегистрирован под именем Виктор Ропшин в честь лидера боевой организации партии эсеров Бориса Савинкова, который взял себе такой литературный псевдоним. Во «ВКонтакте» молодой человек заходил часто, чтобы поучаствовать в дискуссиях на политические темы — он владел небольшой^[4] группой Russian Syndicalism и администировал крупный^[5] паблик Anarcho news.

Увидев в паблике^[6] «Бред и воля» дискуссию о поступке анархиста Михаила Жлобицкого, тремя

годами ранее взорвавшего^[7] себя в здании управления ФСБ по Архангельской области, молодой человек решил поучаствовать в ней. Козак написал, что «Жлобицкий — герой», а устроенный им взрыв — «это столкновение мировоззрений, этических систем».

«С одной стороны мы видим полицейское государство, которое пытается, сажает, фабрикует дела против оппозиции, с другой — мы видим разлагающее левое (которого и без того почти нет) движение, сплошь догматичное и реконструктивное, — объяснил^[8] он свое умозаключение. — Жлобицкий, безусловно, поступил, мягко говоря, не очень правильно. Но каждый прямой или косвенный взрыв, направленный на государственный аппарат — взрыв в систему. Жлобицкий полагал, что его действие могло стать маленьким скачком, который мог бы создать импульс. Импульс для будущей классовой войны. Так было всегда. Реваншюль^[9], шедший на верную смерть, был убежден, что его дело не только не забудут, но и продолжат».

Обвиняемым по уголовному делу об оправдании терроризма Козак стал только через год. Центр судебной экспертологии имени Буринского Южного федерального университета установил, что тот в своих комментариях одобрил действия Жлобицкого и «признал идеологию и практику насильственных и разрушительных действий правильными и нуждающимися в поддержке». В ходе обыска дома у Козака следователь изъял книгу^[10] о немецком социализме, отформатированный телефон

и ноутбук, который во время расследования так и не пригодился.

Судя по протоколу^[11] допроса, большую часть беседы со следователем Козак посвятил рассказу о становлении своих убеждений, историческому экскурсу в события после Октябрьской революции и роли в них его ориентиров — Бориса Савинкова и Виктора Чернова.

«На допросе мне показали скриншоты из группы "Бред и Воля", сделал их некто "Степан" (аватар был замазан). В скриншотах был мой комментарий про Жлобицкого, после чего меня сразу же начали расспрашивать, кто я такой, чем я занимаюсь. Я заявил, что "придерживаюсь социалистических убеждений", что "теракт я не поддерживаю, поскольку этим нельзя ничего добиться", и что "Жлобицкого, как своего товарища^[12], я уважаю"», — утверждал Козак позже в своем телеграм-канале.

Молодой человек отмечает, что затем он воспользовался 51-й статьей Конституции, а также заверил следователя, что у него нет доступа к его странице «ВКонтакте», поскольку пароль он потерял. «После этого товарищ майор сразу же спросил: "Ты что, чувствуешь нашу слабость, нашу доброту по отношению к тебе?", на что я ответил: "Я не принимаю ни вашей доброты, ни вашей слабости"», — вспоминал Козак.

Как бы то ни было, с допроса молодого человека отпустили под подписку о невыезде. По словам Козака, он сразу начал «вынашивать план побега»

и искать работу, но всюду получал отказы. Одна из компаний взяла его, но через месяц сообщила, что не может платить зарплату фигуранту реестра экстремистов и террористов Росфинмониторинга.

В какой-то момент у семьи Козака появилась информация, что его собираются отправить в СИЗО. Тогда отец нанял ему «лучшего адвоката в нашем городке» — бывшего кандидата в сельские депутаты из райцентра Зимовники Сергея Уманцева. Тот стал уговаривать молодого человека дать признательные показания, утверждал Козак в своем телеграм-канале, но получил отказ^[13]. Хотя меру пресечения анархисту не изменили, он уехал в Казахстан, не дожидаясь заседания по существу, которое было назначено на 22 августа. Границу он прошел без происшествий.

Запрос об экстрадиции и арест

Отправиться в Казахстан Козак решил потому, что у него не было загранпаспорта, объясняет его сосед по квартире Артем Уварцев; с Денисом они познакомились уже в Алматы через приятелей-анархистов. По словам Уварцева, Козак надеялся сделать загранпаспорт в Казахстане и уехать в Германию по гуманитарной визе. Пока же он вел свой канал в телеграме, где писал о Рабочей партии Курдистана, призывал помогать армянским защитникам Арцаха и рассказывал о политзаключенных. Судя по постам Козака, в Казахстане он чувствовал себя в безопасности.

«Советую ехать в Казахстан, а дальше — уже смотреть по ситуации. Можно сгонять в соседний Кыргызстан, там круто. <...> Главное — не бойтесь. Я уехал

из страны, находясь в Перечне "террористов и экстремистов", живя под подпиской о невыезде, так еще и за пару дней до суда. Вас же пропустят и вовсе легально», — убеждал он подписчиков вскоре после объявленной в России мобилизации.

Хотя Козак давал советы читателям, сам он соблюсти казахстанское миграционное законодательство не смог. Уварцев объясняет, что когда у Дениса истекал 90-дневный срок легального пребывания, он не попытался выехать в соседнюю страну — тот же Кыргызстан — по внутрироссийскому паспорту, чтобы обнулить этот срок. 27 декабря прошлого года власти Казахстана и вовсе отменили «визаран» — теперь россияне могут оставаться в стране лишь по РВП (разрешению на временное проживание), для которого нужны основания: наличие подтвержденного места работы или учебы.

Уварцев предполагает, что полиция заинтересовалась Козаком прежде всего из-за нарушения сроков пребывания в стране без основания. «Эти проблемы с миграцией и тогда могли сыграть дурную роль, и сейчас могут быть не на руку ему, после ареста. Проблем без них было бы явно меньше», — рассуждает он. При этом Уварцев считает, что полицейские во время задержания «не были особо замотивированы тем, чтобы давить на каких-то ребят из России по какой-то непонятной статье, которой нет в Казахстане».

Сейчас Козак находится в СИЗО Астаны в рамках экстрадиционного запроса, максимальный срок такого ареста может быть продлен до года, объясняет

Денис Дживага, замруководителя Казахстанского международного бюро по правам человека, которое наняло Козаку адвоката. После ареста Козака адвокат заключил с ним соглашение и подал от его имени прошение о получении статуса беженца.

«Во-первых, мы обжалуем сам экстрадиционный запрос. Во-вторых, мы подали прошение на беженство, и если в нем откажут, то мы обжалуем и его. И все это время власти не имеют права его выдавать России, ему должны дать возможность пройти все эти процедуры. Вот этот срок ареста как раз и дается на то, чтобы все эти стадии пройти», — объясняет Дживага.

Выдача по правилам

Юрист отмечает, что хотя у Казахстана есть межгосударственное соглашение с Россией о взаимной выдаче преступников, главенствующая над ним Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях запрещает выдавать обвиняемых в совершении преступлений, которых нет в уголовном кодексе выдающей страны.

Наказания за оправдание терроризма Уголовный кодекс Казахстана не предусматривает, как и наказания по статьям, появившимся в России после начала войны, например о «дискредитации»^[14] армии и военных «фейках»^[15]. «То есть у наших властей к нему претензий нет, органы задержали его только потому, что должны исполнять соглашение с Россией. С учетом того, что на родине ему действительно грозит тюрьма и пытки, получение статуса

беженца во исполнение подписанных Казахстаном международных конвенций вполне реально», — говорит Дживага.

С начала войны казахстанским правозащитникам известно лишь об одном случае выдачи властями фигуранта уголовного дела в России. Но и это решение нельзя назвать рядовым, ведь речь идет о майоре ФСО. Михаил Жилин из Новосибирска служил в ведомстве 18 лет, а после объявления мобилизации покинул Россию вместе с семьей. Его супруга Екатерина попала в Казахстан через КПП, а сам офицер прошел через границу нелегально — его задержали пограничники, после чего россиянина отправили в местный изолятор.

И Россия, и Казахстан **обвинили** Жилина в незаконном пересечении границы, кроме того, на родине офицера объявили в розыск по статье о дезертирстве (статья 338 УК). Жилин тоже подавал прошение о предоставлении статуса беженца через Казахстанское международное бюро по правам человека, но получил отказ. 2 декабря суд в Казахстане **выдворил** его из страны, не дожидаясь решения по жалобе офицера на отказ в предоставлении беженства.

«Скорее всего, там были какие-то внутривнутриполитические переговоры, это совершенно особенный случай. Жилин обладал знаниями государственными и секретными, поэтому его поспешно выдали, без соблюдения процедур, причем не через процедуру экстрадиции, а через выдворение: просто отвезли на КПП из-за обвинения в незаконном

пересечении границы», — объясняет Дживага. Такое решение властей Казахстана он считает неправомерным, поскольку в случае получения статуса беженца, согласно конвенциям, обвинения в незаконном пересечении границы снимаются, а Жилину так и не дали обжаловать решение суда об отказе в предоставлении статуса. «Соответственно, оно не вступило в силу. Это наша основная претензия», — отмечает юрист.

Сейчас Жилин находится в СИЗО в городе Рубцовск в Алтайском крае. Его жене и детям удалось улететь во Францию по гуманитарным основаниям, хотя загранпаспорта у супруги Жилина не было, говорит координатор помогающей эмигрантам в Казахстане организации «Точка невозврата», бурятская журналистка Евгения Балтатарова.

Иллюстрация: Соня Владимирова / Медиазона

Остаться в Казахстане

Сама Балтатарова уехала из Улан-Удэ в Казахстан в марте прошлого года, через несколько дней после того, как у нее дома прошел обыск по уголовному

делу о мошенничестве в крупном размере. По версии следствия, журналистка администрировала телеграм-канал [baltatarova](#) и «обманным путем» похитила у потерпевшей 25 тысяч рублей в декабре 2021 года. Сама Балтатарова утверждает, что на тот момент она утратила доступ к этому каналу, зайдя на фишинговый сайт. Возбуждение уголовного дела она [называла](#) мстью за антивоенные посты в других соцсетях. После переезда в Казахстан Балтатарова нашла работу в сфере пиара и стала помогать другим эмигрантам.

30 сентября полиция Казахстана [задержала](#) Балтатарову в Астане — так она узнала, что объявлена Россией в межгосударственный розыск по статье о распространении «фейков» об армии (207.3 УК). Вскоре российский Минюст [признал](#) журналистку «иностранным агентом».

Сейчас Евгения тщетно пытается покинуть Казахстан. Через несколько дней после задержания в Астане она планировала вылететь в Бишкек, куда ей нужно было попасть по работе, но на рейс ее не посадили.

«Меня сняли с рейса, промурыжили там целый день и выпустили без протокола, без ничего. Через месяц я повторила попытку, но меня снова сняли с рейса. Теперь мне ехать некуда, в Россию по своей воле я не поеду, — объясняет она. — Меня могут экстрадировать, для этого нужно завести на меня в России уголовное дело по статье, которая есть в Казахстане, ну, или заставить меня нарушить законы Казахстана, а тут это очень просто, поскольку

трудно легализоваться. Сейчас у меня есть РВП на год, но в мае оно заканчивается. Хотя я его могу продлить по рабочему контракту, не факт, что это произойдет, потому что я в розыске. И тогда я окажусь в Казахстане без законных оснований, что послужит основанием для депортации».

О политическом убежище она пока не просила. «Мы сейчас в нашей организации проводим встречи с посольствами разных стран Евросоюза, с США и так далее, чтобы организовать какие-то коридоры для людей, оказавшихся в такой ситуации, с уголовным делом в России и отсутствием возможности выехать из Казахстана, — объясняет журналистка. — Я одна такая девушка, а остальные — парни. Их вообще в России ждет война. Но пока мы ничего не добились. Пока мировое сообщество, в общем-то, очень прохладно к этому относится, потому что россиян не считают беженцами, мигрантами, там, или еще кем-то. Мы представители страны-агрессора, поэтому особо, как бы, не жалко».

По данным «Точки невозврата», сейчас в Казахстане находятся около двух десятков россиян, обвиняемых по уголовным делам, связанным с войной. «Все застряли здесь, — говорит Балтатарова. — У нас здесь просто весь срез российского общества появился: и панки есть молодые, которые там свою деятельность вели — в Якутии, в Бурятии, в Туле, есть из Западной Сибири военные, есть из Москвы активисты политические, то есть вообще все есть». Будут ли эти люди высланы, пока неизвестно, но не исключено, что в дальнейшем это случится —

в зависимости от политических отношений двух стран, объясняет правозащитник Дживага.

«К нам много людей обращается: "Хочу покинуть Россию, хочу в Казахстан", — говорит юрист. — Я им честно говорю: "Ребята, Казахстан в этом плане не является безопасной страной, учитывая все наши взаимоотношения и правовые соглашения с Россией. Даже если вас не выдадут, вы не сможете выехать в другую страну, кроме России. Лучше вам не приезжать, потому что здесь никто безопасности вам не гарантирует, лучше искать другие варианты"».

Редактор: Мария Климова

1. Имя изменено по просьбе собеседника.
2. Цитата из решения суда.
3. Обвинительное заключение есть в распоряжении «Медиазоны».
4. 2,6 тысячи участников.
5. 32 тысячи подписчиков.
6. Паблик все еще существует, но в апреле 2022 года администраторы заморозили его. Перед этим они обратились к подписчикам: «Ничего не лайкайте и не комментируйте, все оказалось хуже, чем мы думали».
7. В своем предсмертном послании Жлобицкий объяснил взрыв тем, что ФСБ «фабрикует дела и пытается людей». В результате были ранены трое сотрудников спецслужбы. Поступок Жлобицкого был квалифицирован как теракт. В дальнейшем какие-либо упоминания о нем становились основанием для возбуждения уголовных дел; «ОВД-Инфо» известно о полусотне таких дел.
8. Орфография и пунктуация сохранены.
9. Французский анархист Франсуа Клавдий Кенигштейн, известный как Равашоль, был казнен в конце XIX века за организацию терактов.

10. «Германия завтра. Структура немецкого социализма» Отто Штрассера.
11. Есть в распоряжении «Медиазоны».
12. По словам Козака, он переписывался со Жлобицким до его гибели.
13. «Медиазоне» не удалось связаться с отцом обвиняемого Борисом Козаком. Адвокат Уманцев на сообщения и звонки не ответил.
14. Статья 280.3 УК.
15. Статья 207.3 УК.